

Александр Бабин

Узник концлагеря Дахау

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-3
ББК 84(2)6
А46

Александр Бабин

Узник концлагеря Дахау / Александр Бабин; худ. Чипало
Татьяна Николаевна; с участием Искулова Кульмаш
Аманбаевна — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 210 с.

ISBN 978-5-532-95506-6

Иван с Татьяной накануне свадьбы мечтают о будущей жизни. Война с фашисткой Германией рушит их планы. Иван в первом же бою с другом Остапом попадают в плен. В концлагере Дахау доктор Мергеле над Иваном проводит опыты, на его теле скальпелем «рисует картины». Героев от смерти спасает работа в батраках у бюргерши. Конец войне. НКВД их как врагов народа отправляет в проверочно-фильтрационный лагерь Створ. В лагере отбывают наказание бандеровцы. Вынужденный с ними побег - жизнь висит на волоске. Иван, выйдя на свободу, у людей встречает недопонимание, считают его предателем. Сын Сема держит на него обиду: отец вернулся с войны без ордена и пилотки называет дядей Ваней. Только уход из жизни решит все его проблемы, находит для себя единственный выход.

ISBN 978-5-532-95506-6

© Александр Бабин, текст, 2021
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	53
Глава 3	60
Глава 4	77
Глава 5	82
Глава 6	115
Глава 7	121
Глава 8	171
Глава 9	196

Глава 1

Иван с Татьяной встречали утро на верхней полке сеновала. Сидеть на лавочке у двора, когда с вечера покрапывал дождь, промокнешь. А тут сухо и лежать на свежескошенной траве одно удовольствие, не уступает той же перине. В деревне от людских глаз не скрыться, все на виду. Те же родители осудят: молодые до свадьбы легли в постель без их благословения, грех большой...

Гнедой зафыркал, замотал гривой и стал просовывать голову в расщелину дощатой двери, пытаясь вырваться из конюшни, видя, как дед Самойл вывел на поляну молодую серую кобылку. Ременной конской путой проворно спутал у нее ноги и ладонью хлестко ударил по ее гладкой холке. Лошадка отпрыгнула, встала, почуяв гнедого, задрала морду, ответив ему конским ржанием.

— Вот сосед неспокойшина в такую рань коня вывел, по нашему околотку больше некому. А ты что приумолкла, боишься моих родителей. Пусть смотрят, что скрывать-то, если в воскресенье свадьба прилажена. — Иван с теплотой в голосе прошептал слова Татьяне.

Гнедой не успокаивался, копытами бил землю.

— Орлик, тэр! Ты чего раздухарился, щас у меня хлыста получишь! — вполголоса прикрикнул он на него.

Татьяна приподняла голову, прислушиваясь, сказала:

— У тебя отец строгий, вдруг зайдет, со стыда сгорю. Не дай бог еще отругает, скажет, не можете до свадьбы потерпеть. И что ему ответить?

— Он еще спит, как проснется, первым делом выходит на крыльцо покурить, услышим. Тань, а твои волосы пахнут цветами, буду называть тебя ромашкой.

— Хм, ромашкой, чудно! Это ты щас в чувствах говоришь ласковые слова, а как обживемся, начнешь заглядывать на молодых девок. У мужиков всегда так бывает, когда своя баба надоедает, щи вам свежие подавай. — Татьяна укорила его без злобы.

– Я не такой. Ты у меня в деревне всех красивее, что в деревне – на всем белом свете! Голос, как весенний ручеек журчит, ей-богу говорю.

– Скажешь еще на свете, свет он ведь большой. Третьего дня на вечерках попадая рассказывала, будучи в девках к ней парень сватался. Хвасталась, все бабы на него заглядывали, а замуж вышла за попа, сказывала, он в то время овдовел, матушка при родах померла. Взяла его горемычного и пожалела. – Татьяна с легким затыгом вздохнула, – вон какая она, бабья доля, от судьбы, видно, не уйдешь.

– Судьба, скажешь еще! То-то я гляжу, уполномоченный в ваш дом зачастил, глазами на тебя так и зыркает. Того гляди сватов пришлет, а он и мизинца твоего не стоит. Люди про него нехорошее говорят, якобы по бабам ходок, еще властью прикрывается. Вот скажи, чего ему от твоего отца нужно, как в деревню наведывается, первым делом идет к нему, что других дворов ему мало? Еще петухом шеголяет в яловых сапогах, опоясавшись портупеей с сумкой наперевес. Бахвалится, нате вот поглядите, люди добрые, какой я есть отец ваш родной.

– Ревнуешь? А зря, повода не даю. Недавно на Троицу отец ему шкворень ковал, кошева у него сломалась, а тут ноне снова что-то случилось, целый день в кузне с ним провозился. Твой отец кузнец, а ему не помогает, а мой на все руки мастер, – высказала слова с бахвальством. – У уполномоченного в Куртамыше семья, а в волости там не забалуешь, все на виду, он же партийный, отец о нем так сказывал. Надо же такое сказать – свататься, не люб он мне, глазенки хитрые, бегают как у поросенка, еще и завистливый: хаит начальство, а сам на его место метит.

Татьяна поцеловала Ивана в щеку, продолжила уже мягким голосом:

– Что мы все про него да про него, нам о своей семье надо подумать. Не за горами забеременею и куда мы в одной избе с прирубом уместимся. Отец тебе что говорит, где нам место отведет – в горнице или, как ребятишкам, на полатах приладит? – спросила, одарив его улыбкой. – И куда вы бабушку Прасковею денете? А она у вас с гонором, начнет меня учить, как блины печь, старый он как малый. Да и

тесно у вас, а в моем доме нам жить нельзя, люди судачить начнут, мужик к бабе под подол спрятался, – поглаживая русский чуб Ивана.

– Тятя в приходе лавку разобрал, бабушку туда переселит, а нам в горнице угол отвел. Пригрозил, пока ребенка не родим, вино в рот не брать. Я даже при нем не курю, запрещает, говорит стыдно ему перед соседями.

– И вправду, чего закурил-то. А ребенка родим, он что твой дым будет глотать.

– Я и курю-то с мужиками за компанию, так, балуюсь, – оправдался Иван, а сам думал: и вправду что закурил, буду, как дед Самойл, на полверсты табаком вонять.

Иван нежно приподнял голову Татьяны, встал, потягиваясь, протянул слова:

– Да-а коротка июньская ночь, светло как днем, – спустился по лестнице, подойдя к Орлику, рукой оттолкнул его морду от двери. – Ну-ка посторонись, женишок. Надо же сосед у ворот барином уселся, паровозом дымит, никак в лес собрался, вот и коня вывел ни свет ни заря, – смотря в щелку двери. – Недавно мужики лесника крепко угостили, так он с пьяни раздобрился, разрешил чашу рубить у якунечевского болота. Сегодня с отцом к вечеру намерились доехать до места, а то народ быстро ее вырубит, где ногой сухо. Ноне полая вода разлилась весело, подтопила молодяжник, подмокли корни. На моей памяти большой воды не припомню, старики говорят, год будет тяжелый. На прошлой неделе, на нижней улице мужики колодец копали. Нет, чтобы на пригорке его обустроить, решили поближе к реке, якобы там вода мягче. Так на жилу навалились, вода фонтаном хлынула, копальщик чуть не утонул, вовремя ему веревку сбросили. Пришлось колодец закапывать. Сейчас на этом месте ручеек пробился, вода камень точит, с природой не поспоришь. Предки не зря деревню назвали Ключиками из-за ключей. Рядом с нашим покосом три небольших разлива, так в половодье вода берега подмыла под самый березняк. Деревья перекрыли русло, сухой ногой реку перейдешь. Опять же зимой бобрам раздолье, голодными не останутся!

– Знаю я ваши разливы, недавно с девчонками ходили за полевым чесноком и по пути зашли лицо умыть. На воду смотришь – темна, как сажа, да холодна, зубы ломит. А тут еще и водопады гудят, будто Илья Пророк по небу на колеснице ездит.

– Про Илью это вам попадья страшилки сказывала, веришь в церковные сказки?

– Верю, крещеная я, а ты что безбожник? – строго его спросила.

– Крест ношу, а вот душа как в клетке мечется, в школе учителя мозга поправили, ведь советская власть бога отменила, – непонятно сказал: в шутку или всерьез, что Татьяна тут же с напрягом ответила:

– То-то я смотрю у тебя дружки с отрубями в голове! Оказывается, Иван Плюхин собрался ехать в Алма-Ату учиться на художника. Ему что в колхозе работы мало?! Чудно! А знаешь, рядом с вашим покоем хвостом извивается ров, так в нем бьет родник из-под земли. Попадья говорит вода в нем святая, лечит от всех болезней. Умойся правой рукой только три раза и к тебе вернется просветление. Бог помогает тем, кто в него верит.

– Святая, скажешь еще! Пил я ее, и не раз, вода как вода, не отличить от той же речной. Отец как-то ей поил Орлика, получается, конь у нас сейчас святой! – Иван посмеялся над ее словами, продолжая смотреть в щелку двери. – Иди, лучше глянь на деда Самойла, сидит, покуривает, забросив ногу на ногу, не поверишь – летом и в валенках. Вот интересно, он когда-нибудь спит или, как наша дворянка Жучка, все время в дозоре?!

– Что на него смотреть, он не икона, – и слезла с сеновала, подошла к Ивану, нежно обняла его за плечи, прижалась щекой к широкой спине. – Вот родим ребенка, тебя обязательно в армию заберут, сердцем чувствую. Знай в вашем доме не останусь, к родителям перееду, – утвердительно проговорила она.

– Ты, как бабка Даша, наперед видишь свою судьбу? Пади ворожила на меня? А?! – смеясь, ответил он.

– Всем нам, девкам, по богатому жениху нагадала. На рождество даже черта видели в зеркале, нагишом шел по натянутой нитке, в руке горящая свеча, морда свиная волосатая, правда тебе говорю, вот те крест, – и перекрестилась. – Напугал нас до смерти, из

избы выскочили табором, никто и не помнит, как валенки надели. Я неделю заснуть не могла, в глазах стоял.

– Сами виноваты. А бабка Даша свою бесовскую ворожбу добром не закончит. Мужики сколько раз затыкали соломой в ее доме печную трубу, а она опять за свое берется, как с гуся вода. Прямо сельсовет какой-то, шарлатанство ей же боком выйдет, черти ее саму из дома выгонят.

– Так она на свой дом отворот наколдовала, сказывала он у нее заговоренный, а власти к ней ни ногой. Попадья и то подтверждает ее колдовские чары. Недавно нас, девок, хитро расспрашивала, где ей взять лошадиную голову, хочет с ней обойти деревню, это чтоб все беды обходили ее стороной. Помнишь, еще детьми были, пожар полдеревни спалил. Как тут не поверишь в ее колдовство. У нее в сенцах на полках травы вениками сушатся, и все с дурманом.

Иван приоткрыл дверь в конюшню:

– Пора, а то и вправду отец нас увидит. Еще сосед не вовремя уселся пнем у двора, выйдем огородом.

Пройдя огородом, подошли к изгороди из жердей, Иван ловко перепрыгнул через нее. Татьяна, пролезая между жердями, платьем зацепилась за сучок:

– Чуть обновку не порвала, надо было идти порядком, прячемся, что цыгане лошадей крадут. – Татьяна недовольно высказалась, поправив на себе скомканное платье. – Я тут сама дойду, – поцеловала Ивана в щеку, отойдя на несколько шагов, обернулась. – Не стой пугалом, иди, а то и вправду люди увидят, греха не оберемся...

Иван, зайдя во двор с задних ворот, наткнулся на отца, он из деревянной кадки ведром черпал воду, выливал ее в птичье корыто:

– Отец, я управляюсь, чего ты за ведро ухватился, – Иван извинительным голосом проговорил слова.

– Ты лучше коня своди на реку, напой, в катке воды на доньшке, курам только. Что, забыл натаскать? – пробурчал в ответ, исподлобья посмотрев на сына.

– Не забыл, приду, полную налью, колодец в метре, – ответил ему, чувствуя за собой вину. Зашел в конюшню, Орлик как будто знал, что его поведут на водопой, мирно стоял и посапывал. Надев на него

узду, повел по двору, по пути с рогатки взял ведро. Выйдя из ворот на порядок, крикнул деду Самойлу, он все еще сидел на лавочке у своего двора:

– Самойл Никитич, низкий поклон вам! – Хочу спросить ты, когда-нибудь спишь, ни свет ни заря вывел на порядок свою кобылу, всех соседей подняла горластая!

– Зимой выпитесь, – кх, кх, прокашлялся он в кулак, – подсядь лучше ко мне, покури маво табаку прошлогоднего сахарного, нынче при такой жаре ни вострастет крепким, год будет неурожайным.

– Некогда мне с тобой прохладиться, видишь, коня веду поить, за одним корчажку проверю. Два дня ее не смотрел, рыбы налезло – одному не унести, может, мне поможешь! – говорил с ним как с малым дитем.

– Помог бы, да тяжело на гору подниматься, я же в валенках. Гольян попадется, нам с бабкой чашку отсыпь, она сегодня стряпню завела, пирог спечет.

– Может, карасиков положить, все пожирнее.

– Пирог из гольянов вкуснее!

– А ты что летом валенки напялил, зиму ждешь, так еще рано, – продолжал подшучивать над дедом.

Иван попридержал коня.

– Вот доживешь до моих лет и узнаешь, какова она, ломота, в коленях. В империалистическую ноги поморозил, германец проклятый трое суток с окопа голову не давал поднять, с тех пор маюсь. Баня помогает, лечусь крапивным веником. Не пробовал париться крапивным веником, попробуй – до пят пробирает.

– У нас веники березовые. Крапивой, если что, ребятишек стегать, те, что в огородах пакостят. Сегодня с тятей за чащей собрались съездить, Орлика вот только схожу напою. Хочу по-соседски предупредить: сушняк, что растет у якунечевского болота, не руби, если намеришься в лес, лесник его нам отвел, – решил разыграть соседа, узнать его дневные планы.

Дед Самойл, ничего не ответив, по-молодецки соскочил с лавочки и направился к своей кобыле, быстро перебирая ногами.

– Самойл Никитич, случилось чего? – Иван выразил свой вопрос серьезным тоном, сдерживая смех, видать, его слова, он воспринял за правду.

Дед бросил на него хитрый взгляд:

– Сижу, покуриваю, лясы с тобой точу, совсем из ума выжил, язви его! Я ж собрался подкосить жнивье для овечек, съезжу, пока солнце не разыгралось. Поймаешь рыбу, бабке занеси, – торопливо проговорил он слова, не ответив на вопрос.

Иван вслед ему улыбнулся, подумав, темнит дед. Напоив на реке коня, неся в одной руке ведро с пойманной рыбой, второй держа под уздцы коня, подходя к своему дому, увидел, как дед Самойл уже успел запрячь лошадь в телегу и шустро выезжал со двора в настежь праздные ворота. Не закрывая их, вожжами резко ударил кобылу, она встрепелулась и чуть не галопом помчалась по порядку.

В это время из ворот вышел отец Ивана, посмотрев на удаляющую упряжку, сказал:

– Чего это он такой ужаленный, видать скипидара глотнул, коня загонит?

Иван, улыбаясь, ответил:

– Разыграл я его, сказал, что лесничий разрешил нам чащу рубить. Ох и дед хитрый, говорит, что по холодку овцам травы подкосит, а сам косу не взял, стало быть, топор спрятал под фуфайку, сидел на ней орлом. Вернется, скажет, литовку забыл взять, чтобы не возвращаться, по пути чащи нарубил, а топор в телеге случайно завалился. Я вот смотрю на него: по годам он не старей, а ведет себя по-стариковски.

– Жизнь его потрепала. Он ведь побывал в германском плену. Что, не знал? Я еще молодой был, помню, как он вернулся с войны, еле ноги волочил, считай, на том свете побывал. Бабка у него с душой, это она его на ноги поставила. Хотя какая она бабка, в то время они моих годков были. Война, брат, не тетка, пирожками не угощает. Ты, давай, не переусердствуй своими шутками, не знаешь, какая у тебя судьба прикажет. Уполномоченный тут мне по секрету в кузне рассказал, только ты, сынок, наш разговор за душой оставь. Гитлер всю Европу на колени поставил. Волком смотрит в нашу сторону – ком-